

От автора бестселлера «Мальчик по имени Рождество»

Девочка, которая спасла Рождество

Мэтт Хейг

С иллюстрациями КРИСА МОУЛДА

Мэтт Хейг

Девочка, которая спасла Рождество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26552836

Мэтт Хейг. Девочка, которая спасла Рождество: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-098078-9

Оригинал: MatHaig, "THE GIRL WHO SAVED CHRISTMAS"

Перевод:

Е. И. Колябина

Аннотация

Вы знаете, как работает волшебство? То волшебство, благодаря которому олени взмывают в небо? То волшебство, которое помогает Отцу Рождество облететь весь мир за одну ночь?

Надежда. Вот как оно работает. Без надежды не было бы никакого волшебства. И в самую первую ночь, когда Отец Рождество решил подарить детям немного счастья, маленькая девочка Амелия сделала это возможным – так сильна была её вера в чудо.

Но на следующее Рождество, когда Амелия отчаянно нуждалась в волшебстве, Отец Рождество не пришёл. Земля дрожала от тяжёлой поступи троллей, Эльфхельм лежал в руинах, и олени едва могли оторваться от земли.

Отец Рождество не пришёл – и надежда Амелии почти угасла.
А ведь она единственная, кому под силу спасти Рождество...

Содержание

Девочка, которая спасла Рождество	6
Когда дрожит земля	14
Мастерская игрушек	19
Мистер Мор	26
Малыш Мим	41
Занудник вылезает из кровати	52
Ночной горшок	57
Мамина рука (очень короткая и очень грустная глава)	61
Барометр надежды	63
Летучие историкси	70
Стук в дверь	76
Отец Водоль и длинные слова	85
Бегство	94
Констебль Нюхлз	98
Чарльз Диккенс	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Мэтт Хейг

Девочка, которая спасла Рождество

*Перл, Лукасу и Андреа – самым волшебным
людям, которых я знаю*

Copyright © 2016 by Mat Haig

Illustrations © 2016 by Chris Mould

© Е. Колябина, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Девочка, которая спасла Рождество

Вы знаете, как работает волшебство?

То волшебство, благодаря которому олени взмывают в небо? То волшебство, которое помогает Отцу Рождество облететь весь мир за одну ночь? То волшебство, которое способно остановить время и сделать мечты явью?

Надежда.

Вот как оно работает.

Без надежды не было бы никакого волшебства.

В Сочельник не сам Отец Рождество, не Блитцен и не другие олени делают волшебство возможным. Нет, его делают возможным все дети, которые мечтают о чуде. Если бы никто не мечтал о волшебстве, оно бы никогда и не случилось. А раз Отец Рождество прилетает каждый год, мы можем не сомневаться, что волшебство – во всяком случае, некоторое волшебство – совершенно реально.

Но так было не всегда. Были времена, когда рождественским утром детей не ждали чулки с подарками и запакованные в яркую бумагу свёртки. То были очень печальные времена, и мало у кого находились причины верить в волшебство.

Так что в самую первую ночь, когда Отец Рождество ре-

шил подарить детям немного счастья и чудес, ему предстояла большая работа.

Игрушки были сложены в мешок, сани и олени готовы к полёту, – но, покидая Эльфхельм, Отец Рождество знал, что в воздухе недостаточно волшебства. Даже Северное сияние едва горело. А волшебства было мало потому, что было мало надежды. В конце концов, как могут дети мечтать о чуде, если они в жизни его не видели?

Вот почему первое путешествие Отца Рождество чуть не обернулось крахом. Всё получилось благодаря одной маленькой девочке, которая жила в Лондоне и всем сердцем верила в волшебство. Из дня в день она надеялась на чудо. Эта девочка нуждалась в Отце Рождество больше, чем кто-либо на земле. Именно она помогла ему, когда олени стали выдыхаться. Её надежды в тот Сочельник хватило, чтобы осветить всё небо. Маленькая девочка задала Отцу Рождество цель. Указала направление. И он последовал за узкой полоской света прямо к её дому на Хабердэшери-роуд в Лондоне.

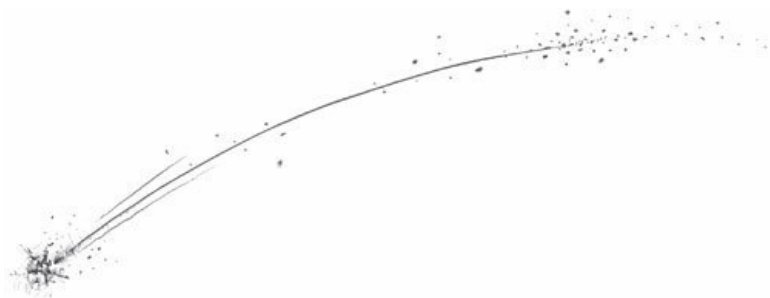
А после того как Отец Рождество оставил чулок с игрушками возле её набитой клопами кровати, надежды стало больше. Волшебство проникло в мир и разлетелось по детским грёзам. Но Отец Рождество не обманывался. Он знал, что без одной-единственной восьмилетней девочки по имени Амелия, которая своей надеждой воплотила волшебство в жизнь, Рождество бы никогда не настало. Да, для того, что-

бы осуществить его замысел, понадобились эльфы, и олени,
и мастерская, но именно Амелия спасла Рождество.

Она была первым ребёнком.

Девочкой, которая спасла Рождество.

И Отец Рождество никогда этого не забудет...

год спустя...

Дорогой
Отец Рождество! ❄️

❄️ Меня зовут Амелия Визарт.
Мне девять лет, и я живу в ❄️
• Лондоне на улице Хабердэшери-Роуд, 99.

Хотя ты и так об этом знаешь, ведь
ты уже бывал здесь. В прошлом году.
Когда принёс мне подарки. Это было очень
мило. Я всегда верила, что волшебство
возможно, даже в тяжёлые времена. Но было
здорово убедиться, что так оно и есть.

• ❄️ СПАСИБО ❄️ •

Я живу с мамой Джейн и котом по имени
Капитан Сажа. Я нашла его в печной
трубе. Понимаешь, печные трубы редко

Я понимаю, что у тебя много дел,
поэтому сразу скажу, что бы я хотела
получить на Рождество.

1. Новую щетку для чистки труб.

2. Волчок.

3. Книгу Чарльза Диккенса

(это мой
любимый
писатель).

4. Чтобы мама поправилась.

Последний пункт самый важный. Куда
важнее второго. Волчок можешь
оставить себе.

Было очень волшебю в прошлом
году проснуться и увидеть подарки.

Мама раньше работала трубочистом,
а теперь этим занимаюсь я. Мама

Больше не может чистить трубы. Она
ничего больше не может делать, кроме
как лежать в кровати и кашлять.

Врачи говорят, ей поможет только
чудо. Но ведь для чудес нужно
волшебство? А ты-единственный,

Когда дрожит земля

Отец Рождество сложил письмо Амелии и убрал в карман.

Он пересёк укрытый снегом Олений луг и пошёл по берегу замёрзшего озера, любуясь тихими видами Эльфхельма. Бревенчатый Главный зал. Магазин башмаков, Шоколадный банк и кафе «Фиговый пудинг» на Главной улице, закрытое в столь ранний час. Школа санного мастерства и Университет продвинутого игрушкотворства. Высокая (по эльфийским меркам) редакция газеты «Ежеснежник» на улице Водоля. В свете утреннего солнца её стены из пряничного теста необычайной крепости горели оранжевым.

Отец Рождество брёл по снегу всё дальше и дальше. Он повернул на запад, к Мастерской игрушек и лесистым холмам пикси, которые лежали за ней. Там он увидел эльфа в коричневой тунике и коричневых башмаках. Тот шёл ему навстречу. На носу у него поблёскивали очки с толстыми стёклами. Эльф был слегка близорук, так что Отца Рождество он увидел не сразу.

– Привет, Занудник! – окликнул его Отец Рождество.

Эльф подскочил от неожиданности.

– О, п-привет, Отец Рождество. Прости, я тебя не заметил.

Вот, иду с ночной смены.

Занудник был одним из лучших работников Мастерской игрушек. Многим этот нервный маленький эльф казался

странным, но Отцу Рождество он нравился. Занудник служил Помощником заместителя главы Цеха игрушек, которые прыгают и вращаются, считался незаменимым сотрудником и никогда не жаловался на то, что приходится задерживаться после работы.

– В мастерской всё в порядке? – спросил Отец Рождество.

– Да-да. Все игрушки, которым положено вращаться, вращаются. А те, которые должны прыгать, прыгают. Была небольшая проблема с теннисными мячиками, но мы уже всё исправили. Теперь они даже прыгучее обычного. Человеческим детям понравится.

– Чудесно, – кивнул Отец Рождество. – Тогда иди домой и хорошенько выспись. И пожелай Нуш и Малышу Миму счастливого Рождества от меня!

– Обязательно, Отец Рождество. Они будут очень рады. Особенно Мим. Его новая любимая игрушка – пазл с твоим лицом. Мастер по пазлам Дрыгл сделал эту мозаику специально для Мима.

Отец Рождество покраснел от смущения.

– Хо-хо... Счастливого Рождества, Занудник!

– И тебе счастливого Рождества, Отец Рождество!

Едва они распрощались, случилось нечто странное: земля чуть заметно вздрогнула. Занудник подумал, что его просто ноги не держат после работы. А Отец Рождество решил, что волнуется перед большим днём, который ждёт его впереди. И потому никто ничего не сказал.

Мастерская игрушек

Мастерская игрушек была самым большим зданием в Эльфхельме. Она возвышалась даже над Главным залом и редакцией «Ежеснежника» и вся, от макушки широкой башни до её подножия, была укрыта снегом.

Перешагнув порог, Отец Рождество увидел, что подготовка к празднику идёт полным ходом.

По залу сновали счастливые смеющиеся эльфы. Они в последний раз проверяли игрушки перед отправкой: снимали головы куклам, крутили волчки, качались на лошадках-качалках, пролистывали книги, обрывали мандарины с мандариновых деревьев, обнимали мягкие игрушки, перекидывались мячиками... Любимая музыкальная группа Эльфхельма – «Звонящие бубенцы» – исполняла одну из своих самых популярных песен «Рождество на пороге (Я так рад, что обмочил тунику)».

Отец Рождество опустил мешок на пол.

– Доброе утро, Отец Рождество! – завопила эльфа по имени Ямочка и широко улыбнулась. Её имя было легко запомнить – стоило ей улыбнуться, как на щеках у неё появлялись ямочки. А улыбалась она почти всё время. Ямочка сидела рядом с Беллой, каламбурщицей, которая как раз работала над последним каламбуром в этом году и хихикала себе под нос, доедая пирожок с начинкой.

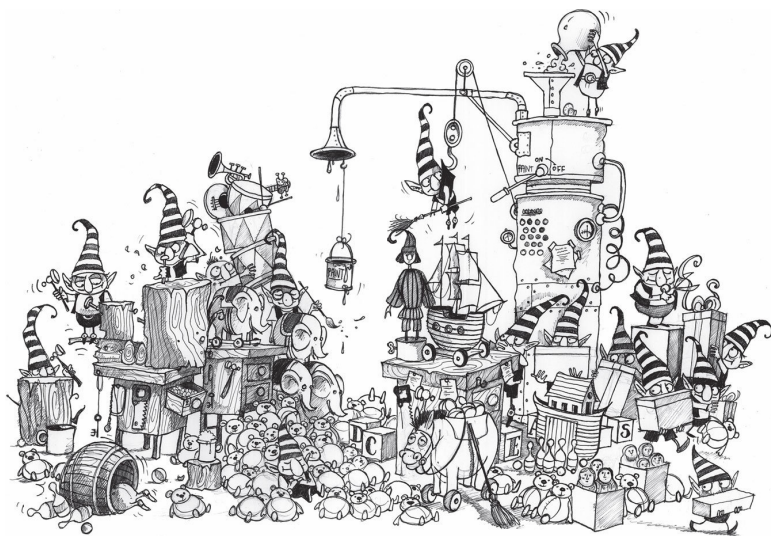
Ямочка предложила Отцу Рождество мятную конфетку. Едва он открыл жестянку, как из неё выскочила игрушечная змея.

– Ай! – вскрикнул Отец Рождество, а Ямочка от смеха повалилась на пол.

– Хо-хо-хо! – захохотал Отец Рождество, изо всех сил стараясь, чтобы это прозвучало искренне. – И сколько у нас таких?

– Семьдесят восемь тысяч шестьсот сорок семь.

– Замечательно.

Тут его заметили «Звенящие Бубенцы» и немедленно за-

играли «Героя в красной куртке» – песню, посвящённую Отцу Рождество. Это было не лучшее их произведение, но остальные эльфы с радостью подхватили:

*Он прячет под курткой огромный живот,
Макушкою до потолка достаёт.
Пусть, как олени, несутся года —
Всё так же пушиста его борода,
ДА-ДА-ДА.
Пока дети видят прекрасные сны,
Он мигом в санях облетит полстраны
И ловко залезет с мешком в дымоход,
Под курткой втянув необъятный живот.
А если застрянет в трубе – не беда,
Его подпихнём мы охотно всегда.
ДА-ДА-ДА!*

Пока эльфы распевали, Отец Рождество стоял и не знал, куда себя деть. Поэтому он посмотрел в окно – и увидел, как по снегу к мастерской кто-то бежит. Больше никто ничего не заметил: эльфам не хватало роста, чтобы выглянуть в окно.

Отец Рождество сразу понял, что бежит не эльф. Существо было ещё меньше обитателей Эльфхельма. И куда легче. И изящнее. И желтее. И быстрее.

Сообразив, кто мчится по снегу, Отец Рождество направился к выходу из мастерской.

– Вернусь через минуту, волшебный вы народец, – сказал он эльфам, сияясь перекричать музыку. – Да, я принёс бездонный мешок, так что можете наполнять его подарками!

Когда Отец Рождество открыл дверь, она уже стояла на пороге и пыталась отдышаться, уперев руки в бёдра и сложившись пополам.

– Пикси Правды! – улыбнулся Отец Рождество. Он был очень рад её видеть. Пикси редко заходили в Эльфхельм. – Счастливого Рождества!

Глаза Пикси Правды, и без того огромные, расширились

ещё больше.

– Нет, – выдохнула она, глядя на Отца Рождество снизу вверх, поскольку едва доставала ему до колен.

– Что?

– Нет. Не будет никакого счастливого Рождества.

Пикси Правды покосилась на эльфов, которые суетились в мастерской за спиной Отца Рождество, и поёжилась. Она не очень любила эльфов; от их вида на неё нападала чесотка.

– У меня новый костюм, – сказал Отец Рождество. – Даже краснее, чем прежде. И ты только посмотри на эту меховую опушку! Нравится?

Пикси Правды покачала головой. Она не хотела показаться грубой, но ничего не могла с собой поделать – она всегда говорила правду.

– Нет, не нравится. Ты похож на гигантскую заплесневелую морошку. Но это сейчас неважно.

– А что важно? Ты ведь никогда не приходишь в Эльфхельм.

– Это потому, что тут полно эльфов.

Тем временем работники мастерской заметили пикси.

– С Рождеством, Пикси Правды! – захихикали они.

– Идиоты, – буркнула она.

Отец Рождество вздохнул. Он ступил на снег и прикрыл за собой дверь.

– Послушай, Пикси Правды, я бы рад с тобой поболтать, но сегодня Сочельник, и у меня ещё куча работы...

Писки Правды снова покачала головой.

– Забудь о Мастерской игрушек. Забудь о Рождестве. Уходи из Эльфхельма и беги в холмы.

– О чём ты, Пикси Правды?

И тут Отец Рождество услышал. Это было похоже на приглушённое ворчание.

Пикси Правды сглотнула.

– Так и знал, что надо плотнее позавтракать, – сказал Отец Рождество, похлопывая себя по животу.

– Твоё пузо тут ни при чём, – ответила Пикси Правды. – Звук доносится оттуда. – Она указала на землю.

Отец Рождество уставился себе под ноги. Там лежал снег, белый, как лист бумаги.

– Это происходит быстрее, чем я думала, – пискнула Пикси Правды и пустилась бежать, успев только крикнуть через плечо: – Найди безопасное место! И спрячься! И предупреди своих эльфов, пусть тоже спрячутся... А ещё лучше отмени Рождество, пока это не сделали они!

– Они? Что ещё за они?

Но Пикси Правды уже скрылась вдали. Отец Рождество хмыкнул, глядя на крошечные следы, цепочка которых тянулась к холмам. Сочельник. Пикси Правды явно перебрала коричневого сиропа, и он ударил ей в голову.

Тут снова раздалось ворчание.

– Ладно-ладно, обед уже скоро...

Но звук был гораздо громче и ниже, и Отец Рождество

вдруг понял, что его живот в самом деле ни при чём. Прежде такого ему слышать не доводилось. Конечно, Отец Рождество был уверен, что беспокоиться не о чем... Но всё же поспешил вернуться в шумную мастерскую и закрыть за собой дверь.

Мистер Мор

Прошло семнадцать дней с тех пор, как Амелия отправила письмо Отцу Рождество. Сейчас она сидела там, где бывала довольно часто, – внутри печной трубы.

Надо сказать, внутри печных труб очень темно. Поначалу привыкнуть к этому непросто. И темнота – не единственная трудность. Ещё в дымоходах очень тесно, даже если ты маленькая худощавая девочка. Но противнее всего сажа. Чёрная пыль, которая забивается повсюду, стоит только взмахнуть щёткой. Она липнет к волосам, к одежде и коже, забивается в нос и в рот. Глаза от неё слезятся, и кашель начинается такой, что кажется, ещё чуть-чуть – и вывернешься наизнанку. Да, трубочистам не позавидуешь, но Амелии нужна была работа, чтобы добыть денег на еду и маме на лекарство.

К тому же после чистки труб больше радуешься дневному свету. И тому, что находишься где угодно, только не в дымоходе. Работа трубочистом заставляла надеяться. Сидя в пропахшей копотью темноте, поневоле начинаешь грезить обо всех светлых местах в мире.

Но для утра Сочельника дымоход, определённо, место не самое подходящее. Амелия же торчала именно там, уперев колени и локти в стены трубы и задыхаясь от клубов сажи, которые поднимала её щётка.

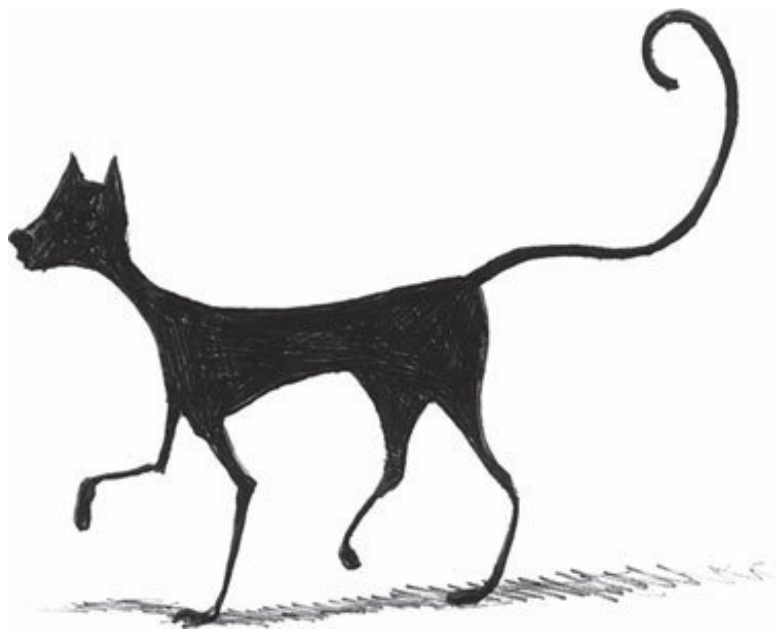
А потом она услышала чей-то тонкий плач. Не челове-

ский. Чей-то ещё. Она насторожилась и поняла, что это не плач, а мяуканье.

– О нет, – пробормотала Амелия, точно зная, кто это.

Девочка прижалась каблуками к стене и начала шарить вокруг свободной рукой. Наконец она наткнулась на что-то мягкое, тёплое и пушистое, лежащее на грязной полке внутри изогнутого дымохода.

– Капитан Сажа! Что я тебе говорила? Нельзя лазать по трубам! Они не для котов!

Амелия подхватила мурчащего кота и потащила вниз, в светлую гостиную. Капитан Сажа, под стать своему имени.

Кот вывернулся у Амелии из рук, прыгнул на пол и прошествовал через комнату. Прямо по кремовому ковру. Дорогому кремовому ковру. Амелия с ужасом уставилась на грязные отпечатки лап.

– О нет! Капитан Сажа, иди сюда! Что ты натворил?!

Девочка вылезла из камина, чтобы забрать кота, и, конечно, тоже испачкала ковёр.

– О нет, – запричитала она. – Нет-нет-нет...

Она стремглав побежала в кухню, где кухарка чистила морковь, крепко держа её в узловатых пальцах.

– Простите, – пролепетала Амелия. – Я там немного напачкала. Можно мне мокрую тряпку?..

Кухарка нахмурилась, сама как сердитая кошка, и зацокала языком.

– Когда мистер Мор вернётся из рабочего дома, он не обрадуется! – прошипела она.

Амелия торопливо вернулась в гостиную и попыталась оттереть сажу с ковра. Тщетно – от её стараний пятна только расплылись.

– Нужно все отчистить, пока мистер Мор не увидел, – сказала она коту. – Ну почему из всех домов ты выбрал этот, чтобы набезобразничать?

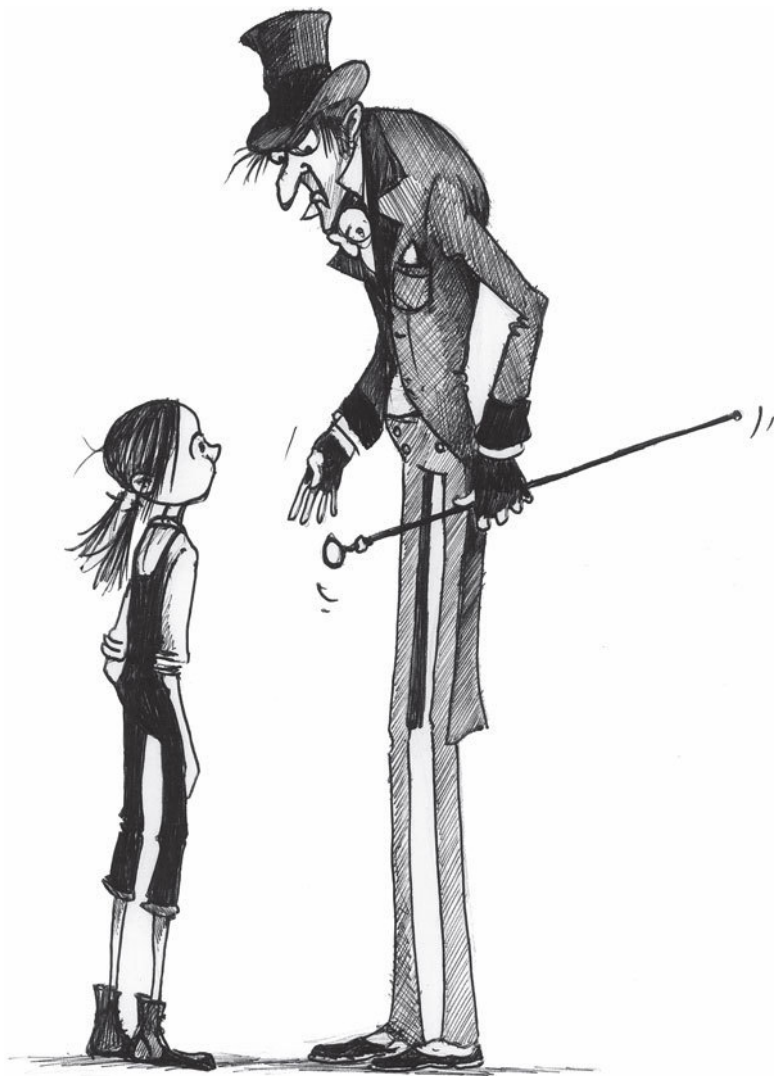
Кот виновато потупился.

– Ну хорошо. Я знаю, что ты не специально. Но представляю, как разозлится мистер Мор!

Оттирая пятна, Амелия заметила в гостиной кое-что странное. Несмотря на канун Рождества, в комнате не было ни одного украшения. Ни открытки, ни плюща, ни остролиста. И пирожками с начинкой даже и не пахло, что довольно-таки необычно для богатого дома.

Внезапно Амелия услышала тяжёлые шаги в прихожей. Не успела она обернуться, как на пороге гостиной появился мистер Мор.

Это был очень высокий человек с вытянутым узким лицом и длинным крючковатым носом. Из-за чёрной трости, чёрного пальто и чёрного цилиндра казалось, что мистер Мор – вóрон, который одним тоскливым вторничным утром закусывал червяком и вдруг решил, что было бы неплохо превратиться в человека.

Мистер Мор посмотрел на Амелию, на кота и на смазанные следы по всему ковру.

– Простите, – быстро сказала Амелия. – Мой кот увязался за мной и забрался в трубу.

– Ты знаешь, сколько стоит этот ковёр?

– Нет, сэр. Но я его отчищу! Смотрите, они оттираются.

Капитан Сажа выгнул спину и зашипел, готовый вцепиться мистеру Морю в ногу. Обычно он хорошо относился к людям, но этот человек ему очень не нравился.

– Мерзкое животное.

– Он просто желает вам счастливого Рождества, – сказала Амелия и попыталась улыбнуться.

– Рождество, – мистер Мор произнёс это слово с таким видом, будто оно горчило на вкус. – Только дураки радуются Рождеству. Или дети. А ты, я вижу, относишься и к тем, и к другим.

Амелия знала, кто такой мистер Мор. Ему принадлежал Работный дом мистера Мора, один из крупнейших в Лондоне. А ещё Амелия знала, что такое работный дом. Это ужас-

ное место, куда все боялись попасть. Но иногда люди заканчивали там, потому что были слишком бедны, или слишком больны, или оставались без дома и без родителей. Там им приходилось работать с раннего утра до поздней ночи, терпеть гадкую кормёжку и постоянные наказания.

– Вы – парочка отвратительных грязнуль! – сказал мистер Мор.

Капитан Сажа встопорщил шерсть, превратившись в пушистый шар злости.

– Он не любит, когда его обзывают, сэр.

Мистеру Морю явно не нравилось, когда ему перечат дети. Особенно бедные дети, одетые в грязные лохмотья и притащившие в дом кота, который наследил на дорогом ковре.

– Встань, девочка.

Амелия встала.

– Сколько тебе лет?

– Десять, сэр.

Мистер Мор схватил её за ухо.

– Ты лгунья.

Он наклонился и посмотрел на Амелию так, словно она была грязью на его ботинке. Амелия увидела его скрюченный нос совсем близко и задумалась, отчего он погнулся. Было бы здорово посмотреть, как это случилось. Может, кто-то его сломал?

– Я говорил с твоей матерью. Тебе девять. Так что ты лгунья и воровка.

И он с силой потянул её за ухо, будто собирался вовсе оторвать.

– Пожалуйста, сэр, мне больно!

– Когда твоя мать заболела, я мог найти другого трубочиста, – сказал мистер Мор, отпуская ухо Амелии и оттирая сажу с руки. – Но нет, я решил дать этой девчонке возможность проявить себя. И совершил ужасную ошибку. Тебе самое место в моём рабочем доме. Теперь поговорим о деньгах.

– Три пенни, сэр. Но я тут немного натоптала, так что можете заплатить только половину.

– Нет.

– Что нет, сэр?

– Ты неправильно меня поняла. Это ты должна мне заплатить.

– Почему, сэр?

– Потому что ты испортила мой ковёр.

Амелия посмотрела на ковёр. Наверное, он стоил больше, чем трубочист может заработать за десять лет. Ей стало очень грустно. И в то же время она разозлилась. Ей были нужны эти три пенни! На них она собиралась купить фиговый пудинг себе и маме на завтра. О гусе или индейке на рождественском столе они даже не мечтали, но, по крайней мере, пудинг могли себе позволить. Точнее, раньше могли.

– Сколько денег у тебя в кармане?

– Нисколько, сэр.

– Лгунья. Я вижу, что там есть монета. Живо давай её сюда.

Амелия вытащила из кармана единственную монетку, которая у неё была. На коричневом полупенсовике красовался профиль королевы Виктории.

Мистер Мор покачал головой и посмотрел на Амелию с таким выражением, будто он и в самом деле был вороном, а она – дождевым червём. Он снова схватил её за ухо и больно выкрутил.

– Мать избаловала тебя. Я всегда думал, что она слабая женщина. И твой отец, наверное, тоже так думал. Иначе зачем бы ему сбегать от вас обеих?

Амелия вспыхнула. Она ничего не знала об отце. Мама как-то набросала углём его портрет в солдатской форме. На портрете папа улыбался. Уильям Визарт выглядел, как герой, и Амелии этого хватало. Он был солдатом Британской армии и уехал воевать в далёкую страну под названием Бирма. Там он и умер в год, когда родилась Амелия. Она представляла, что он был сильным, благородным и отважным. То есть совсем не таким, как мистер Мор.

– Мать плохо тебя воспитала, – продолжал мистер Мор. – Только посмотри на себя. Ходишь в рванье. Не поймёшь, девочка ты или мальчик. Мать не учила тебя, как должны вести себя девочки? Хорошо хоть, что ей недолго осталось...

Этого даже Капитан Сажа стерпеть не мог. Он бросился на мистера Мора и вонзил когти в его чёрные брюки. Ткань затрещала, мистер Мор принялся отгонять кота тростью, и Амелия почувствовала, как внутри закипает ярость. Она ткнула мистеру Морю в лицо вымазанной в саже щёткой и пнула его в лодыжку. А потом ещё раз пнула. И ещё.

Вдохнув печную золу, мистер Мор закашлялся и взревел:
– ТЫ!..

Но Амелия больше его не боялась. Она думала только о больной маме, которая лежала в кровати.

– Не. Смейте. Так. Говорить. О. Моей. Маме!

Она бросила монетку на пол и вылетела из комнаты.

– Я до тебя ещё доберусь!

«А вот и не доберёшься!» – подумала Амелия, изо всех сил надеясь, что это правда. Капитан Сажа бежал рядом с ней, оставляя на полу чёрные следы.

Выскочив из дома мистера Мора, Амелия повернула на восток. Путь к Хабердэшери-роуд пролегал по тёмным, грязным улицам. С каждым шагом дома становились всё меньше и потрёпаннее и всё теснее жались друг к другу. Из маленькой церкви доносился гимн «О, придите, все верующие». Амелия прошла мимо торговцев, которые расставляли лотки для рождественской ярмарки, мимо девочек, игравших в классики, и слуг, которые несли гусей от мясника. Затем она проводила взглядом женщину с рождественским пудингом и мужчину, прикорнувшего на скамейке.

Торговка жареными каштанами крикнула ей:

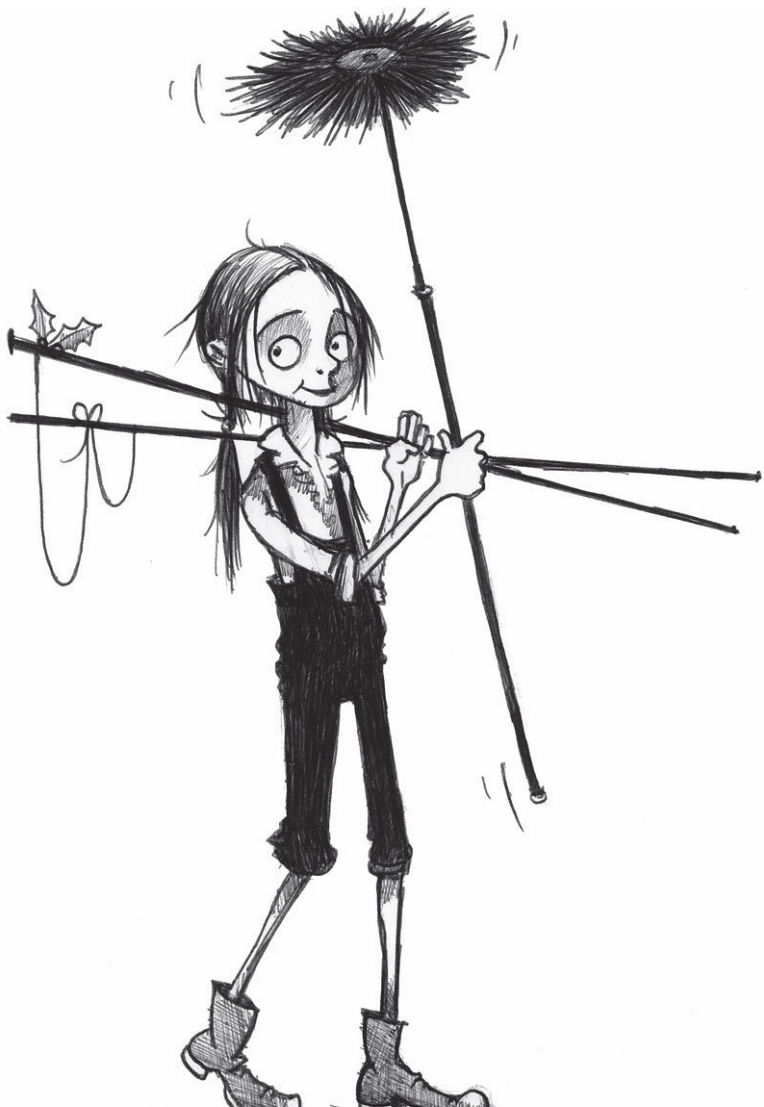
– Счастливого Рождества, милая!

Амелия улыбнулась и попыталась настроиться на рождественский лад, но это было непросто. Куда труднее, чем в прошлом году.

– Сегодня Сочельник, – сказала торговка каштанами. – Ночью придёт Отец Рождество.

Вспомнив про Отца Рождество, Амелия всё-таки улыбнулась. Она высоко подняла щётку для печных труб и крикнула:

– Счастливого Рождества!

Малыш Мим

Малыш Мим был эльфом.

И, как вы, наверное, догадались, очень маленьким. Даже по меркам эльфов. Маленьким и юным. Младше тебя. Намного! Ему было три года, если быть точным. Его тёмные волосы блестели, как озеро в лунном свете, а ещё он пах имбирными пряниками. Мим ходил в детский сад для эльфят, который при Отце Рождество стал частью Школы санного мастерства, и жил в маленьком домике на улице Семи Извилин в самом сердце Эльфхельма.

Но сегодня ему не нужно было идти в детский сад.

Потому что наступил канун Рождества. Самый чудесный день в году. А в этом году Сочельник обещал быть ещё чу-

деснее. Во всяком случае, для Малыша Мима. Потому что сегодня перед ним и другими эльфятами распахнутся двери Мастерской игрушек. После того как бездонный мешок Отца Рождество наполнится подарками, эльфийским ребятишкам разрешают брать любые игрушки, какие они захотят. А Малыш Мим ещё никогда не бывал в Мастерской игрушек.

– Сочельник! – завопил он, запрыгивая на родительскую кровать.

Подобно большинству эльфийских кроватей, она пружинила, как батут. Поэтому Малыш Мим тут же взлетел под потолок, ударился макушкой и сорвал красно-зелёную бумажную гирлянду, которая была частью рождественского убранства.

– Малыш Мим, ещё слишком рано, – простонала его мама Нуш откуда-то из путаницы тёмных волос. И натянула подушку на голову.

– Твоя мама права, – поддержал её Занудник, отец Мима. Он водрузил на нос очки и нервно поглядел на часы. – Сейчас без пятнадцати минут Рань Несусветная.

Рань Несусветная была самым нелюбимым временем Занудника, особенно в те дни, когда он работал ночь напролёт, как сегодня. Ему казалось, что он едва успел закрыть глаза. Впрочем, так оно и было. Занудник любил свою работу в Цехе игрушек, которые прыгают и вращаются, да и платили за неё неплохо – сто пятьдесят шоколадных монет в неделю. Но ещё он любил поспать. А теперь в кровати прыгал и вращал-

ся его сын, взбудораженный до самых кончиков ушей.

– Обожаю Рождество! У меня от него искорки внутри! – сказал Малыш Мим.

– Мы все любим Рождество, сынок. Но ты всё-таки попробуй уснуть, – попросила его Нуш откуда-то из недр подушки. На наволочке было вышито: «Пусть вам всегда снятся рождественские сны». Нуш тоже очень устала – для неё это время года было не менее напряжённым, чем для мужа. Накануне она до поздней ночи беседовала с оленями.

– Ну мамочка, просыпайся! Уже почти Рождество. Вы так весь Сочельник проспите! Вставайте! Давайте слепим снежного эльфа.

Нуш не смогла сдержать улыбку.

– Мы лепим снежного эльфа каждое утро.

Занудник уже сладко похрапывал, завернувшись в одеяло. Нуш вздохнула. Теперь она точно не сможет уснуть. Нуш убрала подушку с лица и пошла готовить Малышу Миму завтрак.

– Что сказали олени? – спросил эльфёнок, поедая пряник с вареньем. Он сидел на деревянной табуретке в маленькой кухне и смотрел на портрет Отца Рождество, который нарисовала местная художница Матушка Миро. Всего в доме Нуш и Занудника их было семь. Хотя эльфы прекрасно знали, что Отец Рождество смущается всякий раз, когда натывается на свой портрет, в присутствии его несуразной бородатой физиономии им делалось спокойнее.

– Ничего особенного. Вчера они были неразговорчивы. Комету что-то беспокоило, хотя это на неё не похоже. И Блитцен вёл себя странно.

Матушка Нуш была главным оленьим корреспондентом «Ежеснежника». Она писала статьи об оленях. К сожалению, те крайне неохотно давали интервью. В лучшем случае могли прореветь что-то или вздохнуть. Ничего скандального в их жизни тоже не происходило, если не считать того, что Блитцен время от времени оставлял дымящиеся кучки на лужайке перед домом Отца Водоля. Но Отец Водоль был начальником Нуш и запрещал писать об этом. Оленьи истории никогда не попадали на первую полосу, хотя некоторые эльфы живо интересовались отношениями Купидона и Кометы – те постоянно то сходились, то расставались. Ежегодные гонки на оленьих упряжках как-то добрались до четвертой страницы, но и только. Все знали, что победит упряжка с Вихрем, ведь он был самым быстрым. Работу оленьим корреспондентом официально признали самой скучной в «Ежеснежнике», и Нуш отчаянно желала заняться чем-то более интересным. Вот бы стать пряничным корреспондентом или игрушечным! Но сильнее всего ей хотелось быть корреспондентом по делам троллей. Эта работа считалась самой опасной, потому что тролли большие, страшные и едят эльфов. Но ещё это была самая важная и самая увлекательная работа в мире! День за днём Нуш мечтала, что её назначат на эту должность, но Отец Водоль не торопился. Он был не

слишком стговорчивым начальником. Если подумать, он был самым несговорчивым эльфом в Эльфхельме. И ненавидел Рождество.

– Что это значит? – спросил Малыш Мим, пока мама кла-
ла десять ложек сахара в его морошковый сок. – Почему
Блитцен вёл себя странно?

– Он всё время стоял, опустив голову, и смотрел на зем-
лю. Но не искал еду. Он как будто был чем-то встревожен.
И другие олени тоже. А ведь в прошлом году они так радо-
вались Рождеству! Потом Блитцен посмотрел на меня и...
издал звук.

Малыш Мим захихикал, потому что мамины слова пока-
зались ему смешными. Но ему всё казалось смешным.

– Своей попой?

– Нет, ртом. Вот так...

Нуш показала, как именно. Она сомкнула губы и изоб-
разила фырканье обеспокоенного оленя. Малыш Мим пере-
стал смеяться – звук и в самом деле был тревожным.

Он доел пряник и решил собрать пазл, пока мама прини-
мает душ под лейкой в ванной. Пазл у него тоже был с Отцом
Рождество. Он состоял из пяти тысяч кусочков, и обычно
Малыш Мим собирал его за полчаса – не слишком-то быстро
для эльфа. Но сегодня, когда он дошёл до красного тулупа,
случилось кое-что странное. Кусочки пазла начали исчезать
в темноте. На месте рта у Отца Рождество образовалась ды-
ра. Она стремительно росла, поглощая всё больше кусочков.

– Мама! Наш пол ест Отца Рождество! – завопил Малыш Мим.

Но Нуш его не слышала. Она стояла под душем и напевала свою любимую песню «Бубенцов» – «Олень над горой».

Малыш Мим отодвинул пазл в сторону и увидел, что по плитке ползёт трещина. Нуш вышла из ванной. Она надела зелёную тунику и вытирала волосы полотенцем с Блитценом, любимым оленем Отца Рождество.

– Что это? – воскликнул Малыш Мим.

– О чём ты? – озадаченно спросила Нуш.

– Пол съел мой пазл.

Нуш опустила глаза и увидела трещину прямо на бело-зелёной плитке возле стены. И это была не какая-нибудь старая трещина. Нет, она становилась всё шире и шире и тянулась уже через всю маленькую кухню.

– А это что? – снова спросил Малыш Мим.

– Что?

– Звук.

(У эльфов очень хороший слух. Благодарить за это стоит особенную форму ушей. Маленькие эльфы слышат даже лучше взрослых. Вот почему родители никогда не говорят плохо о своих детях).

– Наверное, твой папа храпит...

Но нет. Теперь и Нуш слышала. Глухой низкий звук доносился откуда-то из-под земли. Она сразу его узнала – и,

потрясённая, застыла на месте.

– Мамочка?

Нуш посмотрела на Малыша Мима и произнесла одно короткое слово:

– Тролли.

Занудник вылезает из кровати

– Тролли.

Нуш сама с трудом могла в это поверить. Но она много знала о троллях. Она знала о них всё, что может знать эльф. Долина троллей была довольно далеко от Эльфхельма, за поросшими лесом холмами, где жили пикси. Тролли обитали в пещерах, которые пролегали глубоко под землёй. И эти пещеры тянулись до самого города эльфов.

– Перемирию конец... Нужно скорее убираться отсюда.

Нуш схватила Малыша Мима за руку и потянула в сторону, подальше от трещин, которые чёрной паутиной расплелись по полу кухни.

Они побежали в семейную спальню. Та располагалась прямо за стеной – к счастью, в их маленьком домике был всего один этаж.

– Занудник! – закричала Нуш. – Занудник!

Она кинулась к раковине в углу и схватила кусок эльфийского мыла. (Оно ничем не отличается от обычного, только пахнет ягодами).

– Папа, вставай! Тролли! – завопил Малыш Мим, тряся отца за плечо.

Занудник всхрипнул, и тут из-под земли донёсся нарастающий рёв. По полу спальни пробежала трещина. Малыш Мим и Нуш с ужасом смотрели, как она ширится, грозя вот-

вот поглотить кровать. Та уже опасно накренилась над пропастью.

– Мне приснился жуткий сон, – пробормотал Занудник, поправляя очки. Затем открыл глаза и увидел, что его жена и сын и в самом деле перепуганно вопят, а огромная тролличья рука шарит по полу рядом с ножкой кровати.

По размерам грубой лапищи Нуш сразу догадалась, что это убертроль – второй по величине и третий по тупизне из семи видов троллей.

– Занудник, вылезай из кровати немедленно! Нужно бежать! – закричала она.

Но было слишком поздно. Троль схватил её мужа за ногу и начал утягивать под землю. Занудник никогда не отличался храбростью. Он много чего боялся. Теней. Громкой музыки. Луны. Снежков. И троль в спальне – это для него было уже слишком.

Нуш подбежала, схватила Занудника за руку и что было сил дёрнула на себя. Бесполезно – Занудник неудержимо скрывался в трещине.

– Держись, коржик, сейчас я тебе помогу, – пробормотала Нуш и торопливо вытащила из кармана кусок мыла. Стоило ей потереть мылом серую лапищу, как она покраснела и задымилась.

Троль взревел от боли и ослабил хватку. Занудник рухнул на пол, наконец свободный.

– Скорее, бежим! – не дала ему опомниться Нуш, и все трое выскочили из комнаты. Занудник мчался в одних подштанниках, а земля у них под ногами глухо ворчала и ходила ходуном.

Выбравшись из дома, они увидели новые трещины. Эльфхельм содрогался, будто при землетрясении. Кое-как одетые, толком не проснувшиеся эльфы высыпали на улицы.

– О нет! – завопил Занудник, когда рухнул соседний дом. И завопил ещё громче, когда их собственный превратился в грудю обломков. Повсюду царило разрушение. Занудник часто-часто задышал и слегка покраснел.

– Дыши глубже, коржик, – сказала Нуш. – Закрой глаза и представь имбирный пряник. Как советовал доктор Драббл.

Целые дома уходили под землю. Нуш заметила своего коллегу из «Ежеснежника»: лысый эльф с большими ушами выскочил из самого большого дома на улице.

Это был Отец Широпопс, корреспондент по делам троллей. Считалось, что никто не знает о троллях больше, чем он. Но сейчас Отец Широпопс мчался, размахивая руками, и вопил: «Тролли! Тролли! Тролли!», расталкивая всех на своём пути.

Несмотря на охвативший её ужас, Нуш подумала: «Эта работа должна была достаться мне».

– А нам куда бежать? – спросил перепуганный Занудник.

Нуш пришёл на ум только один ответ.

– К Отцу Рождество!

Ночной горшок

– Как всё прошло с мистером Мором? – кашляя, спросила мама Амелии, пока девочка выносила жестяной ночной горшок. Он заменял им с мамой туалет. Амелия открыла окно и выплеснула его содержимое прямо на улицу.

– Эй! Поаккуратнее там! – недовольно крикнул какой-то незадачливый прохожий.

– Упс. Простите, – сказала Амелия. Потом вернулась к маминой постели и соврала: – Всё прошло хорошо.

Она очень не хотела расстраивать маму правдой.

– Рада, что он тебе понравился, – слабо ответила мама, силясь вздохнуть.

– Этого я не говорила, мам.

– Ты купила фиговый пудинг?

Амелия промолчала.

– Всё равно я вряд ли смогу проглотить завтра хоть кусочек.

Девочка видела, что маме очень плохо. Та через силу продолжила:

– У него есть рабочий дом... У мистера Мора.

– Угу.

– Послушай, Амелия, – прошептала мама. – Мне уже недолго осталось.

Амелия почувствовала, как слёзы подступают к глазам, и попыталась их сморгнуть, пока мама не заметила.

– Мам, не говори так.

– Но это правда.

– Мам!

– Дай мне закончить. Кто-то должен позаботиться о тебе после моей смерти. Я не хочу, чтобы ты оказалась на улице. Даже если ты будешь чистить трубы, жить здесь тебе не позволят. Поэтому я поговорила с мистером Мором...

Амелия почувствовала, что каменеет от страха. И её страх не имел никакого отношения к клопам, которые ползали по маминой простыне.

– Мама, хватит! Ты поправишься.

Мама снова закашлялась. И кашляла очень долго.

– В работном доме за тобой присмотрят.

Амелия задвинула ночной горшок обратно под кровать и уставилась на клопа, который бегал кругами по одеялу. Капитан Сажа метко прихлопнул его лапой. Амелия перевела взгляд на кота. Тот посмотрел на неё в ответ. Его большие глаза стеклянно поблёскивали. Кажется, Капитан Сажа тоже был напуган разговором. Вряд ли в работные дома пускают котов. А даже если и пускают, им с Капитаном Сажей там не место. Особенно теперь, когда он ясно показал, как относится к мистеру Морю.

– Ладно тебе, мам, завтра Рождество. Всё будет хорошо. Надо только верить... Рождество – время чудес. Просто по-

дожди и сама увидишь. Обещаю... – Амелия с улыбкой подумала о письме, которое отправила Отцу Рождество. Она изо всех сил верила в чудо. И в то, что, даже если мир полон людей, похожих на мистера Мора, волшебство всё-таки возможно.

Мамина рука (очень короткая и очень грустная глава)

Прошёл час.

Амелия сидела на коленях у маминой кровати, сжимая её ладонь в своей. Маме становилось хуже с каждой минутой. Амелия невольно вспоминала прежние времена, когда они с мамой тоже держались за руки, но по другим, гораздо более счастливым поводам. Как они гуляли вместе по берегу реки. Как ходили на ярмарку. Или как в раннем детстве мама держала её за ладошку, отгоняя плохие сны. Водила пальцем по ладони и тихонько напевала «Вокруг розовых кустов», помогая уснуть.

Сейчас у мамы не осталось сил говорить. Но по морщинке между бровей Амелия поняла, что она хочет что-то сказать.

Мама едва заметно качнула головой.

– Амелия, милая, боюсь, это конец.

Она дышала очень медленно и была бледной, как молоко.

– Но ты не кашляешь.

Мамины губы тронула слабая улыбка. Амелия видела, каких трудов ей стоит этот разговор.

– Однажды твоя жизнь станет лучше, – сказала она дочери. Амелия в последнее время часто слышала от неё эти слова. – Жизнь похожа на печную трубу. Иногда приходится

долго ползти через темноту, чтобы увидеть свет.

Мама вновь слабо улыбнулась и закрыла глаза. Амелия почувствовала, как тяжелеет рука, которую она держала в своей.

– Мам, ты не можешь умереть. Я не разрешаю! Умирать запрещено! Слышишь меня?!

Джейн Визарт открыла глаза только для того, чтобы снова закрыть.

– Будь хорошей девочкой.

Вот и всё, что она сказала дочери. После этого тишину в комнате нарушало только тиканье часов в прихожей и горестные рыдания Амелии.

Барометр надежды

Отец Рождество торопливо шагал через Мастерскую игрушек. Вокруг него толпились эльфы.

– Это бездонный мешок? – спросил пузатый коротышка-эльф, указывая на мешок в руках Отца Рождество.

– Да, Ролло.

– Что-то он не выглядит большим.

– Да, он не слишком велик. Зато он бесконечен. В него может поместиться весь мир...

Земля снова задрожала.

Эльфы посмотрели друг на друга, и глаза у них стали даже больше обычного. Лошадки-качалки повалились на пол. Игрушечные кареты начали кататься туда-сюда. Сотня мячиков сбила Ролло с ног. К счастью, он приземлился на свой мягкий объёмистый зад. Потом всё опять стихло.

– Что это было? – спросил Ролло.

– Мне страшно, – проскулила Ямочка.

Белла расплакалась.

Отец Рождество повернулся к собравшимся эльфам.

– Небольшая встряска, друзья. Беспокоиться не о чем. Даже земля радуется Рождеству! Ведите себя как обычно. У нас впереди большой день – и большая ночь.

С этими словами Отец Рождество перекинул бездонный мешок через плечо и нырнул в камин, чтобы взлететь по тру-

бе на верхний этаж. Там располагался главный офис Мастерской.

Выйдя из камина в своём кабинете, Отец Рождество сразу увидел старого мудрого эльфа Отца Топо. Тот стоял на каменном полу и гладил длинные белые усы.

– Всё хорошо, Отец Топо?

– Боюсь, что нет, Отец Рождество. Ты разве не почувствовал, как дрожит земля? Я думал, башня рухнет!

– Я ощутил лёгкую тряску. Но вряд ли это что-то серьёзное. Наверное, в воздухе слишком много волшебства.

– Хм-м-м. Кстати об этом, – сказал Отец Топо. – Посмотри на барометр надежды. Он должен ярко светиться.

Он указал на барометр надежды – круглый стеклянный сосуд, который возвышался на длинном шесте посреди комнаты.

Обычно барометр надежды мягко светился зелёным, фиолетовым и голубым. Отец Рождество позаимствовал эти цвета у Северного сияния, полыхавшего в небе над Финляндией. В Сочельник барометр должен был ослепительно гореть, напитанный волшебством, которое породили надежда и доброта эльфов, людей и всех живых существ. Но сегодня в нём едва теплился жалкий зелёный огонёк.

– Ох, уверен, что причин для волнения нет, – упорно повторил Отец Рождество. – Да, сейчас он сияет вполсилы, но впереди ещё целый день. Давай, Отец Топо, взбодрись! Нам столько писем надо прочесть!

В тот же миг в главный офис вбежала запыхавшаяся Матушка Блёстка, которая занималась разбором почты. Обычно с её лица не сходила улыбка, но сегодня, видимо, всё шло наперекосяк.

– Что-то не так! У нас ни одного письма! Я только что получила весточку от ловца писем. Они не могут перебраться через гору.

Отец Рождество невесело улыбнулся.

– Ну что ж. Письма до нас не добираются, а барометр надежды вот-вот погаснет. Но ничто не сможет остановить Рож...

Далёкий, но весьма громкий звук помешал ему закончить предложение. Этот грохот уже никак нельзя было принять за ворчание голодного желудка. Отец Рождество бросился к большому окну, которое выходило на улицу Семи Извилин.

Целые дома рушились или уходили под землю. Эльфы в ужасе метались по дороге, перепрыгивая через ползущие трещины. Отец Рождество ахнул, и Матушка Блёстка с Отцом Топо тут же подскочили к нему.

Отец Топо извлёк из нагрудного кармана телескоп. Посреди творящегося в Эльфхельме хаоса он разглядел бегущую семью из трёх эльфов. Один из них был в нижнем белье.

– О нет. Нуш, Занудник, Малыш Мим!

Нуш была пра-пра-пра-пра-правнучкой Отца Топо, и её он любил больше всех на свете.

От неведомой напасти пострадала не только улица Семи Извилин. На Главном пути тоже всё рушилось. Работники Шоколадного банка едва успели выскочить из здания, прежде чем его поглотила земля.

Но Отец Рождество заметил кое-что ещё там, где стоял Шоколадный банк. Сквозь клубы пыли он разглядел, как из груды обломков вырастает куст мохнатых чёрных волос. А вслед за ним медленно поднимается громадная шишковатая голова. Которая могла принадлежать только троллю.

Откуда-то из-за холмов показался летящий камень. И направлялся он – о нет! – напрямик к Мастерской игрушек. Отец Рождество оттолкнул Матушку Блестку в сторону и повалился на неё сверху. Конечно, Отец Рождество был крупнее и тяжелее любого эльфа, так что он слегка расплющил Матушку Блестку. Но это лучше, чем быть расплющенной камнем. Потому что Отец Рождество всё-таки мягче.

Камень разбил окно, но, к счастью, никого не задел. Отец Рождество поднялся на ноги и кинулся к пульту управления. Окинув взглядом кнопки, он нажал на большую красную. Ту самую, на которой очень мелкими буквами было написано: «Использовать только в САМЫХ крайних случаях!!!»

Башенный колокол над его головой стал раскачиваться с невероятной скоростью.

ДИН-ДОН-ДИН-ДОН-ДИН-ДОН-ДИН-ДОН-ДИН-ДОН...

Только тогда Отец Рождество заметил, что барометр на-

дежды упал на пол и разбился. Последний зелёный огонёк взмыл вверх и растаял в воздухе прямо у него перед носом.

Летучие историкси

Итак, вот что творилось в Эльфхельме в канун Рождества. Дрожала земля. Тролли вылезали на поверхность. Камни свистели над головой. Рушились дома. Рождественские пудинги разлетались из кафе «Фиговый пудинг» во все стороны. Шоколадные монеты катились по земле. Эльфы бежали прочь, подхватив эльфят на руки. «Звенящие бубенцы» прикрывали инструментами головы, чтобы защититься от обломков.

– Эльфы! – зычным голосом сзывал их Отец Рождество. – Бегите на Олений луг! Все на Олений луг!

Отец Топо стоял рядом с ним, крепко обнимая Нуш и Малыша Мима.

– О нет, – воскликнул Занудник, когда земля у них под ногами снова пошла волнами.

Нуш закрыла сыну глаза. В следующий миг громада Мастерской игрушек сложилась, будто карточный домик. Отец Рождество увидел, как кто-то вылезает из-под развалин. Один, два... Нет, кажется, три тролля! Это были не гиганты-убертролли, а унтертролли, всего в три раза крупнее Отца Рождество и в девять раз больше эльфов. Вообще-то, их было не трое, а четверо, поскольку один мог похвастаться двумя головами. У другого посреди лба красовался единственный глаз. Третья – троллиха – выглядела совершенно обычно

(если про тролля вообще можно так сказать), но из пасти у неё торчал большой жёлтый клык. И у всех троих была грубая, покрытая наростами кожа, гнилые зубы и грязная, кое-как сшитая одежда из козьих шкур.

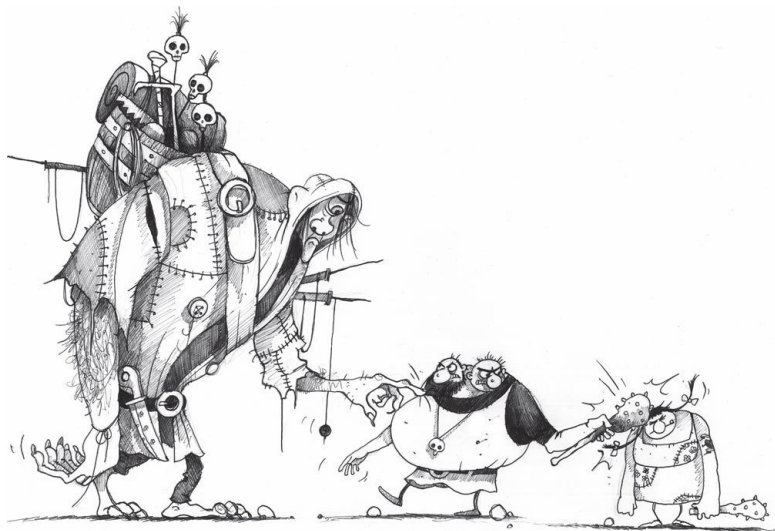
Одноглазый тролль поднял над головой валун и громогласно взревел. Он высматривал дома, ещё не тронутые разрушением. Пятиэтажное здание «Ежеснежника» пока чудом уцелело. И тролль выбрал его в качестве следующей мишени.

– Послушайте, тролли, мы не желаем вам зла, – обратился к ним Отец Рождество.

Двухголовый тролль схватил одноглазого за руку.

– Погоди, Бух, – сказал он. Бух пожал плечами и опустил валун.

– Благодарю, – кивнул Отец Рождество. – Мы всего лишь хотели мирно отпраздновать Рождество. Нам нет дела до Долины троллей. Пожалуйста...

Непонятное жужжание в воздухе помешало ему закончить предложение. Отец Рождество задрал голову и увидел существо, очень похожее на Пикси Правды, только размером поменьше. А ещё у него были четыре крыла – лёгкие и прозрачные, словно сделанные из стекла. Солнце ярко блестело на них.

– Летучие историкси! – воскликнула Нуш, которая знала о пикси почти столько же, сколько о троллях.

Пикси кружила в воздухе и хихикала над беспорядком, который учинили тролли. Внезапно она пошла на снижение и пролетела прямо над головой Буха. Отец Рождество подумал, что это странно. А пикси тем временем взмыла в небо и устремилась в сторону заснеженных холмов.

– В этом году Рождество не быть! – гулко пробасил Бух. – Рождество не быть!

– Да чем вам не угодило Рождество? – спросил Отец Рождество, хотя, наверное, это было несколько опрометчиво с его стороны – ведь Бух до сих пор сжимал в руке камень. – Я думал, троллям оно нравится...

Бух ничего не ответил. Вместо этого он посмотрел вдаль – туда, где на Оленьем лугу собрались все эльфы. Затем зарычал и швырнул камень высоко-высоко в воздух. Все уставились на летящий валун.

– О нет! – выдохнул Отец Топо Отцу Рождество прямо в ухо.

Но Отец Рождество видел, куда целился тролль. Не в эльфов, не в оленей и не в редакцию «Ежеснежника». Тролль метил в сани, стоявшие на лугу. И камень угодил точно в них. Треск был слышен на многие мили окрест.

Бух и другие тролли энергично затопали ногами, словно танцуя какой-то дикий танец.

– Это сигнал, – сказала Нуш. Она читала о топотных сигналах в «Полной троллепедии», когда училась на журналиста.

Из-под земли донёсся громкий троллий рёв.

– Все назад! – предупредила эльфов Нуш, зная, что предвещает этот звук.

А затем – бах! – огромный кулак пробил землю. Серый кулак размером с крупного унтертролля.

Занудник при виде него свернулся в клубок на снегу и принялся выполнять дыхательные упражнения. Малыш Мим стоял рядом, приговаривая: «Папочка, всё будет хорошо».

– Ургула, верховная предводительница троллей, – прошептала Нуш. Кулак скрылся под землёй, оставив после себя чёрную дыру, куда один за другим попрыгали унтертролли. Когда они шумно приземлились в пещере где-то внизу, эльфов наверху ощутимо тряхнуло.

Отец Рождество обвёл взглядом перепуганных эльфов, разрушенные дома и развалины Мастерской. Он ждал, но всё было тихо. Тролли оставили их в покое.

– Они ушли, – сказал Отец Рождество.

И услышал, как Малыш Мим тихо бормочет: «Только сначала всё разломали».

Из-под обломков Мастерской под ноги Отцу Рождество выкатился мячик. Тот внимательно на него посмотрел.

Не всё.

Стук в дверь

А где-то в Лондоне высокий, болезненно-худой господин вошёл в дом номер 99 на Хабердэшери-роуд. Он был одет в длинный тёмный плащ и чёрный цилиндр, а в руках держал Библию и блестящую чёрную трость. Глаза у него были серыми, как вязкий лондонский туман, который полз по улице вслед за ним.

Амелия попыталась захлопнуть дверь, но мистер Мор оказался проворнее.

Он наклонился к девочке. Теперь она могла ещё лучше разглядеть его лицо. Под глазами у него темнели внушительные мешки. Сломанный нос был погнутым, как колено, а щёки впалыми, словно мистер Мор целиком состоял из кожи и костей.

– Никогда не закрывай дверь перед джентльменом. Я пришёл, чтобы помочь тебе.

Капитан Сажа пристроился у ног Амелии и предупреждающе хлестнул хвостом.

– Ты мне не нравишься, – прошипел кот. – Я знаю, что ты за человек, и ты мне совсем не нравишься. Я рад, что испортил твой ковёр.

– Соболезную по поводу матери, – равнодушно сказал мистер Мор.

– Откуда вы узнали? – спросила Амелия, глядя на его брю-

- ки. Это были не те, что Капитан Сажа порвал в прошлый раз.
- Новости до меня доходят быстро.
 - Что ж, спасибо, сэр. И с Рождеством.

– То есть ты не собираешься просить прощения? За то, что ткнула мне в лицо каминной щёткой? И отказалась платить? За то, что вела себя, как маленькая грубиянка?

Амелия снова попыталась захлопнуть дверь, но мистер Мор крепко схватил её за руку.

– Уходите и оставьте меня в покое, вы, гриб-вонючка!

– Ты её слышал! – грозно мяукнул Капитан Сажа.

Губы мистера Мора сложились в улыбку, словно под искривлённым носом свернулся сухой лист.

– Нет. О нет. К несчастью, это невозможно. Ты пойдёшь со мной. Видишь ли, в этой жизни у меня всего одна страсть. Страсть к исправлению ошибок. И твоя мать хотела, чтобы я исправил тебя. Она сама меня об этом попросила. Ты слишком похожа на своего отца.

Амелия твёрдо знала, что мама в жизни не сказала бы такого об отце.

– Это моё призвание. В рабочном доме мы прививаем дисциплину. Теперь ты одна из нас. Пришло время тебя забрать.

Ногти мистера Мора впились ей в кожу.

«Ну уж нет!» – подумала Амелия.

Она опустила глаза на Капитана Сажу, безмолвно прося о помощи. Кот внимательно посмотрел на девочку, развернулся и потрусил в комнату.

«Отличный план, Капитан Сажа», – подумала она.

Амелия выдернула руку из хватки мистера Мора и со всех

ног рванула в маленькую тёмную гостиную. Выбор был невелик: старое окно с прогнившей рамой или очаг. Капитан Сажа уже сидел в камине.

– Умный котик.

В дымоход мистер Мор при всём желании не пролезет.

– А ну вернись! – заорал мистер Мор, вбегая в комнату. Его лицо пылало от злости. – Ты, мелкая жужелица!

– Ни за что! – резко выдохнула Амелия, и Капитан Сажа громко зашипел, соглашаясь с ней. Девочка подхватила кота на руки. – Пойдём, Капитан, нам пора.

Амелия согнулась и юркнула во тьму дымохода. Кота она посадила на плечо.

– Сиди тихо и не вздумай выпускать когти, – предупредила она и принялась карабкаться вверх, упираясь локтями и коленками в закопчённые стены. Труба была невероятно узкой, даже по меркам дымоходов, и нещадно крошилась. Удержаться было непросто. В довершение всех бед мистер Мор схватил Амелию за ногу. Для столь худосочного господина он обладал недюжинной силой. Мистер Мор потянул девочку вниз. Сдирая локти, Амелия уперлась в стены и стала отбрыкиваться. Сердце гулко колотилось в груди. Она три раза попала мистеру Морю по руке и наконец вырвалась на свободу, потеряв в битве ботинок.

– А ну вернись, мерзкая чертовка!

Но Амелия уползала всё дальше в темноту. Дымоход неумолимо сужался, и под конец она уже едва могла протиснуться. Капитан Сажа первым выскочил из-под колпака над трубой. Амелия, извиваясь, вылезла следом. Так они оба оказались на крыше.

Шёл снег. Амелия заморгала, привыкая к белизне вокруг. Капитан Сажа побежал вперёд, оставляя на снегу крохотные отпечатки лап.

– Вот ты где! – раздался голос с улицы.

Из-за снега крыша стала скользкой. Но даже без кошачьей ловкости и в одном башмаке Амелия пробежала по длинному козырьку, не оступившись. Когда крыша закончилась, девочка поняла, что ей придётся прыгать – иначе до следующего дома не добраться.

– После вас, – сказала она коту. Капитан Сажа играючи перемахнул на соседнюю крышу. Амелия последовала за ним. У неё получилось не так грациозно, но получилось же!

Певчие на мостовой оборвали на полуслове «Ночь тиха» и вытаращились на Амелию. Девочка остановилась, чтобы перевести дыхание, и заодно бросила взгляд вниз. Мистер Мор быстро шагал по улице, втыкая трость в снег. Амелия любила свою маму и знала, что та желала ей только добра. Но мама не понимала, что мистер Мор – ужасный человек. И теперь Амелия сходила с ума от страха, горя и тоски.

– Ай!

Она потеряла равновесие и заскользила по другой стороне покатой крыши. К счастью, ей удалось ухватиться за что-то мокрое и гладкое – она даже не успела понять, за что. Однако затем рука соскочила, и девочка полетела вниз, чтобы приземлиться точно на спину. Оглядевшись по сторонам, Амелия поняла, что оказалась у кого-то на заднем дворе. Капитан Сажа сбежал с крыши вслед за ней и спрыгнул Амелии на живот.

– Всё в порядке, – сказал он на кошачьем языке. – Ты справишься.

И Амелия впервые в жизни поняла, что он говорит.

Амелия и Капитан Сажа поднялись и побежали через двор к проходу между домами. Они выскочили на Индиа-стрит. Издалека доносилась знакомая мелодия «Доброго короля Венцеслава». Амелия оглянулась: мистера Мора нигде не было видно. И она помчалась вперёд, навстречу неведомому будущему.

Отец Водоль и длинные слова

Отец Рождество стоял возле обломков саней, когда его старый друг, олень Блитцен, подошёл и ткнулся мордой ему в плечо.

– Всё хорошо, Блитцен.

Эльфы топтались на заснеженном лугу, подкрепляя силы засахаренными сливами. Все ждали, когда Отец Рождество что-нибудь скажет.

– Так, – улыбнулся он наконец. – У нас выдался крайне необычный Сочельник. Но могло быть и хуже. Давайте постараемся взглянуть на всё с другой стороны.

– С другой стороны? – хмуро отозвался чернобородый эльф в чёрной тунике. – Да тут с какой стороны ни глянь, сплошная катастрофа.

Бедствие эпических масштабов. Катаклизм. Хаос и разрушение. Троллокалипсис!

Отец Рождество вздохнул. Дай Отцу Водолю волю, и он окончательно повергнет эльфов в уныние, заодно козырнув парочкой очень длинных слов. Отец Водоль знал слов больше, чем все эльфы, вместе взятые. Если быть точным, он знал семьдесят шесть миллионов эльфийских слов – а иногда ещё выдумывал новые, чтобы смущать народ и казаться умнее. Подумать только, троллокалипсис. Такого слова во-все нет, Отец Рождество был в этом уверен.

Вдруг Нуш обратила внимание на следы Отца Водоля в снегу. Он пришёл с запада, то есть с холмов, что было очень странно – ведь в Сочельник он обычно безвылазно торчал в редакции «Ежеснежника».

Отец Рождество выдавил из себя улыбку.

– Тише, тише, Отец Водоля. У всего можно найти светлую сторону. Смотрите, тролли ушли. Никто серьёзно не пострадал. Разумеется, мы должны выяснить, почему это случилось. И обязательно выясним. Непременно! Но не сегодня. Да, среди нас есть раненые, но ими уже занимаются прекрасные работники эльфийского здравоохранения. Доктор Драббл трудится не покладая рук. Все олени целы. Некоторые здания до сих пор стоят. Даже «Ежеснежник» стоит! Эльфы могут спать там, пока мы не отстроим их дома, или пожить у меня. В моей кровати поместятся, по меньшей мере, одиннадцать эльфов. А я всегда могу поспать на батуте. Но мы не должны забывать, что сегодня Сочельник и нам ещё предстоит много работы.

По толпе прокатился вздох. Даже на морде Блитцена было написано сомнение. Чтобы выразить его яснее, Блитцен помочился на снег.

– Рождество? Рождество! – насупил кустистые брови Отец Водоля. – Да ты, верно, шутишь! Какое уж теперь Рождество.

– Ура! – воскликнул Малыш Мим, который толком не понимал, что происходит, и просто обрадовался знакомому слову. – Рождество! Папочка, скоро Рождество!

Занудник кивнул и закрыл глаза. Нужно думать о пряниках, о тёплых имбирных пряниках...

Отец Водоль выступил вперёд и произнёс глухим голосом:
– Это абсолютно невозможно.

Толпа эльфов ахнула. Родители испуганно прикрыли детям уши.

– Отец Водоль, пожалуйста, следите за языком. Здесь дети, – напомнил Отец Рождество, прежде чем повернуться к собравшимся. – Я понимаю, что это выглядит... непросто. Но давным-давно один мудрый эльф сказал мне, что в мире нет ничего нев... вот это слово. Каждый человеческий ребёнок сегодня рассчитывает на нас. Мы должны подарить им волшебство.

– Боюсь, Отец Водоль прав, – подал голос Отец Топо.

Эльфы принялись озадаченно переглядываться.

– Но у нас не осталось игрушек!

– И сани сломаны!

Отец Рождество кивнул.

– Да, придётся потрудиться. – Он покосился на разломанные сани. – И работы предстоит немало. Но у нас есть олени. И я. И бездонный мешок. И целый мир надежды. Сегодня каждый ребёнок в мире будет переполнен счастьем и радостным предвкушением. Вечером вы поднимете глаза и увидите, как надежда разливается по небу. Северное сияние сегодня разгорится ярче, чем когда-либо.

– Не хочу портить вам праздник, – перебила его ременьщица Матушка Брир, – но, если бы надежда была так всемогуща, ничего подобного вообще не случилось бы.

Отец Рождество нашарил в кармане листок бумаги. Это было письмо от Амелии Визарт. Амелия стала первым ребёнком, которому он принёс подарки. Отец Рождество посмотрел на Отца Топо, и тот положил руку ему на спину. Во всяком случае, попытался. Но достал только пониже поясницы, так что оба почувствовали себя неловко.

– Давайте же, эльфы, – снова обратился к ним Отец Рождество. – Вы же эльфы! Мы должны хотя бы попробовать. Люди нуждаются в нас. Есть вопросы?

Малыш Мим поднял руку.

– Спрашивай, Малыш Мим, – сказал Отец Рождество.

– А вы умеете танцевать свистопляску? – пропищал тот. Многие эльфы рассмеялись. Что ни говори, неплохо вспомнить о свистопляске в такой во всех отношениях ужасный день.

– Свистопляску? Хм-м... – задумался Отец Рождество.

– Я никогда не видел, чтобы вы её танцевали, – не унимался эльфёнок.

– Малыш Мим, – прошептала Нуш, – думаю, сейчас не время для таких вопросов.

– Малыш Мим, я не эльф. Посмотри на меня. Посмотри, какой я высокий. Посмотри на мой большой живот. Конечно, на меня наложили чудовство, но я всё-таки считаю, что

свистопляску лучше оставить эльфам.

Малыш Мим погрустнел. Его личико вытянулось, и даже заострённые ушки, казалось, поникли.

– Свистопляска, она для всех, – пробормотал он. – В этом

её смысл.

Отец Рождество призадумался. Если это поможет хоть немного поднять настроение эльфам, почему бы и нет?

Он глубоко вздохнул и начал танцевать. Поначалу ему аплодировали скорее из вежливости, но потом выяснилось, что свистопляшет Отец Рождество очень даже неплохо.

– Ладно, – сказал он, окончательно выдохшись. – Ну так что, попробуем спасти Рождество?

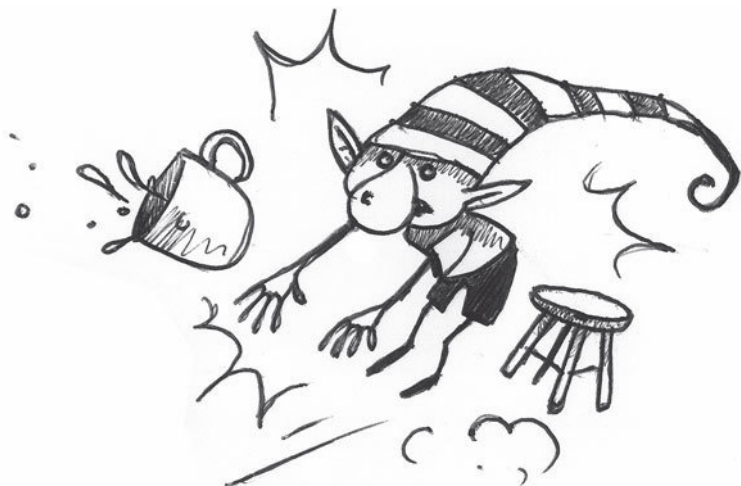
– Я попробую! – отозвался тонкий голос в первых рядах.

– Большое спасибо, Малыш Мим. Кто-нибудь ещё?

Нуш подняла руку. И Отец Топо. А за ними ещё несколько эльфов. Но Отец Рождество никогда прежде не видел, чтобы эльфы выглядели такими подавленными.

– Отлично. Замечательно. Прекрасно.

Он похлопал Блитцена по тёплому боку и посмотрел на гору, за которой раскинулся мир людей. Что ж, ему оставалось только надеяться на лучшее.

Бегство

Амелия бежала и бежала.

Она бежала на запад, не разбирая дороги и позволив Капитану Саже прокладывать путь в ночной темноте. Амелия следовала за белым кончиком его хвоста, как слова за восклицательным знаком. Спустя какое-то время она поняла, что бежать босиком будет легче, чем в одном башмаке, и оставила его на мостовой.

Она бежала мимо уютных домов, где за задёрнутыми занавесками спали в ожидании Рождества счастливые семейства, и слёзы текли у неё из глаз. Эти дети проснутся завтра и достанут из чулок подарки: игрушечных солдатиков и фарфоровых кукол. А она даже не знала, куда ей идти и что делать.

Кроме них с Капитаном Сажей, на улице была только одна старушка, продававшая жареные каштаны. Её лицо показалось девочке добрым.

– Простите, мисс... – обратилась к женщине Амелия.

– Привет, привет, девочка, – ответила та, улыбаясь ртом, полным коричневых зубов. – А вы с котом не должны сидеть в такой час дома?

Амелия почувствовала, как в неё с новой силой вгрызаются тоска и холод. Она крепче прижала к себе Капитана Сажу.

– Эм-м, дело в том, что нам некуда идти.

Торговка каштанами перестала толкать тележку и посмотрела на Амелию.

– У вас нет дома? – Она чихнула. – Ох, батюшки.

– Да. Во всяком случае, такого, куда можно вернуться. – Амелия бросила взгляд через плечо. – И за нами гонится мистер Мор.

– Работный дом – не место для такой девчушки. Уж точно не его!

Женщина снова чихнула.

– Можно мы с котом переночуем у вас? – взмолилась Амелия.

Торговка каштанами опустила глаза.

– Боюсь, не получится, милая... Я не могу долго находиться рядом с кошками. У меня от них странно свербит в носу. Вот почему я чихаю. Дай-ка подумать, дай-ка подумать...

Беги к старой миссис Добрингс. Ты найдёшь её у собора Святого Павла. Душа у неё самая что ни на есть светлая. Скажи, что тебя прислала Бесси Смит. Это я, Бесси Смит. Миссис Добрингс приглядывает за такими девочками... Может, продавать спички – и не лучшая работа, но всяко приятней, чем мастерить их в Работном доме мистера Мора. Ты уж мне поверь.

– Спасибо! – сказала Амелия.

– На вот, милая, возьми, – окликнула её торговка, выуживая из тележки несколько тёплых каштанов. – Подарок на Рождество.

Но времени уже не осталось. Амелия увидела, как из-за угла вынырнула длинная тень. Длинная тень худого человека с тростью. Она сразу поняла, кто это.

– Простите, мне пора, – сказала она торговке и побежала.

– Ох, ну удачи тебе тогда, девочка!

Констебль Ньюхлз

Хотя голые ноги Амелии уже болели от бега по тёмным заснеженным улицам, она упорно прокладывала путь вперёд, уворачиваясь от подвыпивших гуляк и тёплого содержимого ночных горшков. Наконец перед ней выросла громада собора. Купол Святого Павла напоминал огромную самонадеянную луковицу. Полуночная служба только что завершилась, и прихожане покидали церковь. Амелия старательно выглядывала в толпе кого-нибудь, похожего на миссис Добрингс (как она её себе представляла), но тщетно.

А потом она в буквальном смысле врезалась в полицейского, одетого в синюю форму. Когда Амелия была маленькой, на улице почти не встречались полицейские, тем более в такой красивой форме. Но теперь они были повсюду. Тот, с которым столкнулась Амелия, носил пушистые усы. Они были столь внушительными, что, казалось, это лицо выросло вокруг усов, а не наоборот.

– Простите, сэр, – сказала Амелия.

– Здравствуй, девочка, – ответил констебль. – Куда ты идёшь?

– Я ищу миссис До...

Но прежде чем Амелия успела закончить, её перебил знакомый голос.

– Всё в порядке, констебль Ньюхлз. Она со мной.

Амелия обернулась и испуганно вскрикнула. Совсем рядом, в свете газового фонаря, стоял мистер Мор. Не теряя времени даром, он костлявой рукой схватил Амелию за локоть, чтобы та не вздумала сбежать.

– О, добрый вечер, мистер Мор, – сказал констебль Ньюхлз, снимая котелок.

Губы мистера Мора изогнулись в улыбке – сухой, как прошлогодний лист.

– Видите ли, Амелия Визарт – дикая девочка. Такая же дикая, как этот бешеный кот. Она нуждается в серьёзном укрощении. Амелия попала в рабочий дом совсем недавно.

И я буду вам безмерно благодарен, если вы поможете отвести её назад.

– О, разумеется! – воскликнул констебль Нюхлз, хватая Амелию за другую руку. – Я вас понял. Дикая, значит. Конечно, я помогу вернуть её в работный дом.

– Нет! Я туда не хочу! – рванулась Амелия.

Но всё было напрасно. У неё не осталось ни обуви, ни родителей, ни надежды.

Чарльз Диккенс

Мистер Мор посмотрел на Капитана Сажу, и тот сердито зашипел в ответ.

– От этого мерзкого кота тебе придётся избавиться.

Казалось, сердце Амелии вот-вот выскочит из груди от страха. Кроме Капитана Сажи, у неё никого не осталось. Он был её лучшим другом. Как бы сурово ни обходилась с Амелией жизнь, кот всегда был рядом. Он лизал ей щеки и тыкался пушистой головой в подбородок. Ему вообще нравились люди.

За одним исключением.

Пока они препирались, к ним подошёл незнакомый джентльмен – стройный и хорошо одетый, в цилиндре, фиолетовом сюртуке и тёплых зимних перчатках. Несмотря на резкие черты лица, он производил впечатления добряка, а в глазах его горел ум. Амелия тут же подумала, что он, наверное, не только богат и живёт в доме с жарко натопленным камином, но и любит кошек. В нём самом было что-то кошачье.

Мужчина уставился на констебля Ньюлза.

– Что здесь происходит? – спросил он голосом густым, как рождественский пудинг.

– Это дикая девочка. Она принадлежит Работному дому мистера Мора, – ответил констебль Ньюлз.

Джентльмен строго посмотрел на мистера Мора.

– Ни один ребёнок не принадлежит рабочему дому. Особенно в Рождество.

– Чушь! – фыркнул мистер Мор.

– Могу я осведомиться, кто вы такой? – поинтересовался констебль Ньюхлз, оглядывая джентльмена с головы до ног.

– Чарльз Диккенс. Писатель. Думаю, вы обо мне слышали.

Чарльз Диккенс! В любой другой день Амелия оказалась бы на седьмом небе от счастья. Чарльз Диккенс был её любимым писателем. Отец Рождество подарил ей книгу об Оливере Твисте, и Амелии она очень понравилась.

Мистер Мор пожал плечами и презрительно процедил:

– Никогда о вас не слышал.

Чарльз Диккенс наклонился к Амелии. Она разглядела, что он носит короткую чёрную бородку.

– Милая девочка, где твои родители?

– Умерли, – ответила Амелия. По щеке её покатилась непрощенная слеза, и Чарльз Диккенс поторопился её стереть. Амелия смутилась.

– Прошу прощения, мистер Диккенс.

Тот взволнованно улыбнулся.

– Мы никогда не должны стыдиться своих слёз.

Мистер Мор раздражённо цокнул языком, и констебль Ньюхлз спохватился:

– Будьте любезны, мистер Диккенс, не мешайте нам.

Амелии было так грустно, что она с трудом могла говорить. Но она понимала: другого шанса спасти Капитана Сажу у неё не будет.

– Пойдите, сэр! Вы любите кошек? Понимаете, там, куда меня заберут, нельзя держать котов...

Чарльз Диккенс и в самом деле любил кошек. Как раз в то утро он написал в своём блокноте: «Есть ли более драгоценный дар, чем любовь кошки?». Писатель подумывал когда-нибудь включить эти слова в свою книгу. У него дома жил кот по имени Боб – и Чарльз Диккенс не сомневался, что Боб обрадуется другу.

– Да, я люблю кошек, но мне кажется неправильным забирать его у тебя...

Амелии пришлось говорить очень быстро, потому что мистер Мор и констебль Ньюэлз уже тащили её по мостовой. Чарльз Диккенс бросился вслед за ними.

– Кот всё равно останется моим! Просто вы за ним посмотрите. А я заберу его, когда убегу.

– Даже не надейся, – пробурчал мистер Мор, сворачивая на безлюдную, продуваемую всеми ветрами улицу, в конце которой высилось мрачное здание. Оно было сложено из камней серых, как могильные плиты. Казалось, призрачный свет газовых фонарей не разгонял, а ещё больше сгущал темноту вокруг него. Амелия сразу догадалась, что это и есть рабочий дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.